

Рациональное зерно.

Один дурак сказал — другой дурак сделал: вот суть совершающегося сегодня на территории бывшего СССР, а причиной этого является бездумность и бездуховность деятелей, находящихся в неменяемом состоянии, т.е. в таком состоянии, которое подпадает под определение психического нездоровья. Исход же бездумности и бездуховности известен: о нём повествуется в притче о слепых, ведомых слепыми.

Люди отличаются друг от друга не столько задатками, которые у большинства людей одни и те же, сколько их развитием, а это в свою очередь определяется способностью их развития. По этой способности все люди разделяются на способных и неспособных, но уже не в соответствии с их задатками, а в соответствии с прилагаемым для развития задатков личным трудом и усилием: по этому признаку одни из них труженики, а другие лентяи. Однако труд является основой благосостояния людей только тогда, когда первым предметом приложения их труда является их ум, т.е. когда они оказываются способны к умственному развитию. Умственное же развитие определяется количеством умственного движения, которое переходит в качество, когда это количество употребляется на размышление о смысле виденного и слышанного, иначе называемое осмыслением.

Наиболее осмысленным занятием для человека, занятого развитием своего ума, является чтение, а поскольку книги отличаются по содержанию, то это содержание определяет уровень развития ума читателя. По отношению к прочитанному, одни люди прочли и усвоили

прочитанное ими, другие ничего не читали из того, что прочли первые. Чтение потому важно, что оно позволяет приобщение к знанию людей, умственное развитие которых превышает таковое людей в окружении читателя. Конечно, непосредственное разговорное общение и научение через такое общение предпочтительнее чтения, но оно часто невозможно из-за отсутствия умного собеседника и учителя. Это отсутствие возмещает чтение. Чтение тогда полезно, когда оно развивает ум, чтение же ради чтения (которое высмеивал Н.В. Гоголь в «Мёртвых душах») никакого смысла не имеет. Поэтому для всякого читателя необходимо прежде всего заботиться о выборе книг для чтения, потому что на чтение уходит драгоценное время, потеря которого на чтение книг, ничего читателю не дающих, является напрасной растратой. К чтению должно относиться как к разделению пшеницы от плевел, и затем очищению рационального зерна от шелухи. Чтению необходимо учиться также, как и всему остальному, а это значит, приобретать навыки чтения, выходящие за рамки прежних навыков. Навыки эти сводятся, с одной стороны, к осмыслению прочитанного, состоящем в сравнении и соотнесении с имеющимися знаниями, с другой стороны, к использованию прочитанного. Чтение происходит с пользой тогда, когда читатель дополняет и исправляет содержание своей памяти, если же читается всё подряд без всякого разбора, то память превращается в свалку, из которой ничего невозможно использовать.

Ввиду вышесказанного, книги являются индикатором умственного развития людей, разделяя их на читавших учебники и научные публикации, и не читавших их; на читавших сочинения Филона Александрийского, и не читавших их; на читавших Новый завет, и не

читавших его; на читавших роман «1984», и не удосужившихся его прочесть; наконец на тех, кто не прочёл множество книг, недостойных прочтения, и на тех, кто их прочёл и преимущественно читает такие книги. Однако есть ещё одна категория читателей, а именно та, к которой принадлежат люди, не читающие книг или редко читающие, вследствие чего их склад мышления формируется источниками преимущественно невербальными, а сами они уподобляются тварям бессловесным. Последние две категории людей и составляют сегодня большинство, довлеющее над меньшинством, и эта диспропорция определяет тенденцию, о которой сказано в начале.

В книге «В чём моя вера?» Л.Н. Толстой подробно описывает развитие у себя навыков чтения, позволивших ему перейти из категории бездумного и бездуховного большинства к думающему и понимающему меньшинству. Переход из одной категории людей в другую он описывает так:

„Место, которое было для меня ключом всего, было место из V главы Матфея, стих 39-й: «Вам сказано: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противьтесь злу»... Я вдруг в первый раз понял этот стих прямо и просто. Я понял, что Христос говорит то самое, что говорит. И тотчас не то что появилось что-нибудь новое, а отпало всё, что затемняло истину, и истина восстала предо мной во всё её значении. «Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я вам говорю: не противьтесь злу». Слова эти вдруг показались мне совершенно новыми, как будто я никогда не читал их прежде.

Прежде, читая это место, я всегда по какому-то странному затмению пропускал слова: а я говорю: не противься злу. Точно как будто слов этих совсем не было, или они не имели никакого определённого значения.“

Далее он описывает значение, которое вдруг приобрели эти слова для него; значение или смысл этот следующий: не противься злу значит не участвуй в делах зла или в злых делах, не уподобляйся злу, не будь как зло, а поступай по добру, знай разницу между добром и злом, или как у Гоголя: „Не смущайтесь мерзостями ... С тех же пор, когда я стал побольше всматриваться в мерзости, я просветлел духом.“

Насколько я могу судить, Гоголь, в отличие от Толстого, читал сочинения Филона Александрийского, следствием чего стало большее развитие его навыков чтения, что определило характер его творчества, сделало его более полным и совершенным писателем. Автор монографии о шизофрении очевидно также вдохновлялся чтением сочинений Филона, поскольку прослеживается связь между его определением описываемой им болезни и описанием пороков души у второго («[О смешении языков](#)»):

„Die Spaltung ist die Vorbedingung der meisten komplizierteren Erscheinungen der Krankheit; sie drückt der ganzen Symptomatologie ihren besonderen Stempel auf. Hinter dieser systematischen Spaltung in bestimmte Ideenkomplexe aber haben wir vorher eine primäre Lockerung des Assoziationsgefüges gefunden, die zu einer unregelmäßigen Zerspaltung so fester Gebilde wie der konkreten Begriffe führen kann. Mit dem Namen der Schizophrenie wollte ich beide Arten der Spaltung treffen, die in ihren

Wirkungen oft in Eins verschmelzen.“ (Eugen Bleuler. Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien. Verlag Franz Deuticke, 1911, S. 296.)

„И один из глупцов, осознав, к какой безмерной беде ведёт вседозволенность, сказал прямо: "Наказание мне больше, нежели снести можно" (Быт. 4:13). Ибо невыносимо, когда душа распущена и сама себя не может унять, когда её с трудом удерживают и приводят в чувство поводья и хлыст. Потому и передают нам такие слова милостивого Бога: "Я не отпущу тебя и не покину тебя" (Нав. 1:5). Эти слова исполнены кротости и вселяют благие надежды в того, кто жаждет воспитания. Ибо если связи души, коими держится она, ослабли, значит, случилось худшее несчастье — её покинул Бог. Ведь Он соединил всё неразрывно связями сил Своих и порешил, что всё ими связанное пребудет таковым всегда. А в другом месте читаем: "Всё, что обвязано, — чисто" (Числ. 19:15), -- потому что развязать — значит осквернить и погубить. Стало быть, увидев кого-то из негодных, которым легко осуществить любое своё предприятие, не восторгайся им — вот, мол, счастливец! — наоборот, жaley его, несчастного, ибо жизнь его добродетелью неплодна, а пороком изобильна.“

Известно, что начавший сомневаться в истинности православного учения Толстой начал изучать источники этого учения, в которых он сначала нашёл логические противоречия и фальши, отчего он перешёл к изучению первоисточника, т.е. к переосмыслению текста Нового завета. Однако переосмысление это происходило в отсутствии знания о толковании текста Ветхого завета Филоном Александрийским, вследствие чего

Толстой, хотя во многом сам дошёл до истины, однако не в той мере, если бы он прежде научился искусству толкования по Филону.

С учётом этого искусства, смысл наставления благости моногамной жизни объясняется не только тем, что так лучше для людей (как разъясняет Толстой: „Христос говорит ещё: не бегай за всеми женщинами, а сойдишь с одной и живи, — тебе будет лучше“, употребляя слово «лучше» 58 раз в этом его тексте), но заповедь о супружеской верности следует толковать в смысле Филона о приверженности мудрости, поскольку если разум оставляет человека, то это оставление является для него самым тяжёлым наказанием, иначе говоря: Если Бог хочет наказать человека, Он лишает его ума:

„Разберём следующие слова Моисея: И сказал Каин Господу Богу: „Вина моя превосходит оставление.“ (Быт. 4:13). Значение сказанного станет ясно из сходных примеров. Если корабль в море останется без кормчего, разве он не обречён потерпеть в плавании полную неудачу? А если четвёрка лошадей окажется без возницы во время состязания в колесничном беге, разве не должен её бег стать неуправляемым и беспорядочным? А когда город останется без начальников или законов (очевидно, и законы относятся к числу начальствующих), разве он не погибнет от двух величайших зол: безначалия и беззакония? Да и телу, конечно, суждено пропасть без души, душе — без разума, а разуму — без добродетели. Но если каждая из названных мной потерь причиняет ущерб покинутому, то мы понимаем, что за беда ожидает тех, кого покинул Бог. Он отвернулся от них и изгнал их словно предателей, преступивших самые священные законы, ибо счёл, что они недостойны Его опеки и власти.

Одним словом, нужно признать, что величайшее наказание и осуждение терпит тот, кого оставляет лучшее и полезное. ... Поэтому, как мне кажется, те, кто не окончательно потеряли возможность очиститься, скорее пожелают быть наказанными, чем "оставленными". Ведь "оставление" перевернёт их так же легко, как корабли, лишённые балласта и кормчего, наказание же придаст им правильное положение. Итак, когда совесть уличает нас в несправедливых делах, давайте умолять Бога скорее о наказании, чем об освобождении. Ибо Он, милостивый хозяин, отпустив нас на свободу, сделает нас рабами безжалостного становления. Наказывая же нас — в силу своей благодати снисходительно и мягко, — Он исправит ошибки посредством своего слова, вразумляющего изобличителя, посланного нашей мысли. С помощью слова пристыдив и укорив её за совершённые промахи, Бог исцелит её.“ (Филон Александрийский. О том, что худшее склонно нападать на лучшее.)

Имея на теле пуповину, многие люди забывают о своём происхождении; в ещё меньшей степени они склонны вспоминать о происхождении содержания их мыслей и речей. Содержание же это является повторением сказанного прежде другими людьми, близкими к ним или далёко отстоящими от них. Один из парадоксов языка состоит в том, что мы, подобно попугаям усваиваем чуждый нам язык и можем на нём говорить неопределённо долго, нисколько не понимая его смысла, а именно до тех пор, пока не произойдёт согласование языка, усвоенного нами извне, с нашим внутренним языком, что и произошло с графом Львом Николаевичем Толстым лишь в возрасте 50-ти лет. Именно тогда он прозрел и увидел дверь, которая открывается только внутрь, что

позволило ему увидеть воскресшего Христа, и через него воскреснуть самому. Прodelав путь, подобный Апостолу Павлу, — от сомнения к познанию и раскаянию (μετάνοια), отвергнув Никейский символ веры во имя Нагорной проповеди Иисуса Христа, Толстой стал отрицать Апостола Павла и защищать истинное учение, что закончилось переписыванием Евангелий.

Обсуждение редакции Новозаветных текстов происходило в достаточно большом круге людей, но никому из них не удалось поколебать веру в установленные им для себя догматы. Ничуть не преуменьшая заслуги Толстого в развенчании православно-церковного ханжества и в утверждении истинной христианской веры, следует всё же указать на явную переоценку им силы человеческого разума, того самого разумения, которое он поставил на место Святого Духа и краеугольного камня христианства.

Вся человеческая история, также как и личная история Толстого свидетельствует против приписывания человеческому разуму какой-либо исключительной силы; напротив, все эти свидетельства говорят о его бессилии. В частности, бессилие это проявляется в том, насколько мало люди доверяют доводам разума, как трудно их вразумить словом, и насколько несравненно более их впечатляет поданный им наглядный пример, которому они охотнее подражают, чем убеждению и рассудку. Толстой признавал это в 1904-м году («Одумайтесь! Статья по поводу русско-японской войны»): „Вспомнишь всё это и посмотришь вокруг себя на то, что делается теперь, и испытываешь ужас уже не перед ужасами

войны, а перед тем, что ужаснее всех ужасов, — перед сознанием бессилия человеческого разума.“

Вести себя как все — основное препятствие для осуществления Царства Божия на земле, как заметил сам Толстой: „Люди, связанные друг с другом обманом, составляют из себя как бы сплочённую массу. Сплочённость этой массы и есть зло мира.“

Ещё одним доказательством бессилия вразумляющего слова и человеческого разума было малое число так называемых толстовцев — последователей его учения. Учение это было ересью, а учитель — еретиком, что он понимал и писал об этом (в «Царстве Божием внутри вас»):

„Там, где есть церковь, должно быть и понятие ереси. Церковь есть собрание людей, утверждающих про себя, что они обладают несомненной истиной. Ересь есть мнение людей, не признающих несомненность истины церкви.

Ересь есть проявление движения в церкви, есть попытка разрушения законеншего утверждения церкви, попытка живого понимания учения. Всякий шаг движения вперёд, понимания и исполнения учения совершался еретиками: еретики были и Тертуллиан, и Ориген, и Августин, и Лютер, и Гус, и Савонаролла, и Хельчицкий и др. Оно и не могло быть иначе. ...

Как ни странно это кажется, церкви, как церкви, всегда были и не могут не быть учреждениями не только чуждыми, но прямо враждебными учению Христа. Недаром Вольтер (Voltaire) называл её l'infame (бесчестная); недаром все или почти все христианские так называемые

секты признавали и признают церковь той блудницей, о которой пророчествует апокалипсис; недаром история церкви есть история величайших жестокостей и ужасов.

Церкви, как церкви, не суть некоторые учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившиеся от прямого пути, как это думают многие; церкви, как церкви, как собрания, утверждающие свою непогрешимость, суть учреждения противохристианские. Между церквами, как церквами, и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно — гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое — смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь. Нельзя служить вместе этим двум господам, надо выбрать того или другого. ...

Церкви не только никогда не соединяли, но были всегда одной из главных причин разъединения людей, ненависти друг к другу, войн, побоищ, инквизиций, варфоломеевских ночей и т. п., и церкви никогда не служат посредниками между людьми и Богом, чего и не нужно и что прямо запрещено Христом, открывшим своё учение прямо и непосредственно каждому человеку, но ставят мёртвые формы вместо Бога и не только не открывают, но заслоняют от людей Бога. Церкви, возникшие из непонимания и поддерживающие это непонимание своей неподвижностью, не могут не преследовать и не гнать всякое понимание учения. Они стараются скрыть это, но это невозможно потому, что всякое движение вперёд по пути, указанному Христом, разрушает их существование.“

Казалось бы, здесь и далее по тексту всё высказано, и всё предельно ясно. Однако это так только на первый взгляд. Если же внимательно

перечитать этот и другие тексты, в которых автор излагает своё учение, то становится очевидным существенное непонимание им смысла ереси. Симптомом этого непонимания является отрицание им апокалипсиса и учения Апостола Павла. Толстой сам пишет об этом, не сознавая более глубокий смысл написанного им (там же):

„Исполнение учения — только в движении по указанному пути, в приближении к совершенству внутреннему — подражания Христу, и внешнему — установления царства божия. ...

Движение к совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на кресте по этому учению большее благо, чем неподвижная праведность фарисея. Заблудшая овца дороже 99-ти незаблудших. Блудный сын, потерянная и опять найденная монета дороже и любимее Богом тех, которые не пропадали.“

Попытка интерпретации упомянутых притчей приводит к выводу, что под заблудшей овцой могут пониматься: 1. раскольник, Раскольников, преступник, и 2. Иисус Христос и люди не от мира сего, которые, как было сказано прежде, ближе всех к Богу. Справедливо сказано, что всякая ересь производит раскол, но следует добавить, что до сих пор христианство распространялось именно этим путём. Причиной же раскола является гордость человеческая, в чём проявляется действие сатаны на земле и в роде человеческом. Поэтому осознание этого прискорбного факта является условием торжества христианского учения, которое будет осуществлено вне церковных рамок и помимо фиксации на кресте — символе наказания и смерти. Христианство станет частью общедоступного знания, хотя и не разумной религией, как предполагал Иммануил Кант.

Объясняется это тем, что всякое разумение исторично: оно исторично как в истории отдельного человека, так и в истории человечества, а его полнота есть сумма этих исторических форм разумения, посредством чего происходит очищение истинного знания от заблуждения, подобно тому как происходит отделение пшеницы от плевел, и зерна от шелухи. Эта истина не могла не открыться и Толстому:

„Ведь бедствия людей происходят от разъединения. Разъединение же происходит оттого, что люди следуют не истине, которая одна, а лжам, которых много. Единственное средство соединения людей воедино есть соединение в истине. И потому, чем искреннее люди стремятся к истине, тем ближе они к этому соединению.“